

НАДИН НОЙЗИ

ГЕРЦОГИНЯ
СВЕТЛОГО САДА

Надин Нойзи

Герцогиня Светлого сада

<https://litres.ru/73909099>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я - фея, выросшая на Земле. В магический мир я попала отрабатывать практику. И совсем не думала, что останусь тут надолго. Я собиралась прожить тут несколько месяцев и вернуться домой, к кофе, телику, Интернету. Но тут на моем пути появился красавчик дракон, и все пошло не по плану.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Надин Нойзи

Герцогиня Светлого сада

Глава 1

Весна вступила в свои права около двух недель назад, и с тех пор все вокруг взяло за правило быть непозволительно красивым и ароматным. Я — Диана, герцогиня Ластерская, к вашему сведению — брела по изумрудной тропе в своем саду, изображая глубокую задумчивость. Солнце висело низко, липкое, как варенье, и норовило засветить мне прямо в глаза, чтобы проверить, не сотру ли я с лица это выражение просветленного единения с природой.

Я ростом с обычную девушку, что для феи, конечно, небольшой промах со стороны эволюции. Мои босые ступни утопали во мху, и он, вместо того чтобы просто быть мхом, издавал тихий вздох.

— Герцогиня, герцогиня, — намекали крошечные пузырьки воздуха, которым больше нечем было заняться, — вы не слишком тяжелы для нас? А то мы тут лопаемся от старания.

Я рассмеялась (надо же было как-то отреагировать, а то они обидятся) и пошла дальше.

Слева от тропы обнаружился старый пион, который, судя

по его раздувшимся бокам, решил, что он здесь главный экспонат весенней выставки. Я присела перед ним на корточки, коснулась бутона пальцем — просто чтобы он успокоился.

— Ну, что новенького в восточном углу? — спросила я тоном завзятой сплетницы.

Пион дрогнул. Я готова поклясться, он сделал это специально, чтобы подраматизировать момент. Ответ пришел в виде туманных образов: якобы сирень у западной стены распустилась на закате, а под корнями у кого-то — сырость.

— Черная сырость, герцогиня, — прошелестел пион, тоном разворачивая лепесток. — Мы чуем ее третий день. Трагедия. Апокалипсис. Конец клумбы.

Я закатила глаза, но вида не подала. Провела ладонью над землей — пусть будет эффект, публике нравится.

— Спасибо, дружище. Займусь этим после полудня.

Пион удовлетворенно качнулся, и мне показалось, или он действительно вздохнул с облегчением. Ну конечно, теперь проблема не на его совести.

Дальше шли ландыши. Эти мелкие белые колокольчики вечно ищут, о чем бы посплетничать, и я их прекрасно понимаю — скучно же висеть на стебле дни напролет.

— Ваша светлость! Ваша светлость! — зазвенели они при моем приближении, как взволнованные горничные на базаре. — К вам гостыя заглядывала на рассвете! Пчела с рыжими ножками! Чужая! Из-за реки! Она сказала, что орешник там цвел аж три раза за сезон!!!

Я остановилась. Палец сам собой поднялся к лицу — жест, который добавляет моему лицу загадочности, а на самом деле просто чесалась переносица.

— Три раза? — переспросила я, внутренне усмехаясь.

Ну орешник, ну чудак.

Ландыши притихли и прижались друг к другу, видимо, ожидая, что я сейчас упаду в обморок от ужаса. Я не упала.

— Молодцы, что сказали, — похлопала я по листьям указательным пальцем, отчего вся куртина на секунду засветилась. — Держите за старание сотню новых бутонов. Теперь вы еще навязчивее, чем были.

Ландыши радостно закивали — кажется, комплимента они не поняли, но подарку обрадовались.

Наконец я дошла до магнолии. Она считала себя самой мудрой сущностью в радиусе трех миль, и возражать ей было лень. Я улыбнулась ей, сделав вид, что слушаю.

— Здравствуй, бабушка, — сказала я, потому что магнолия требовала почтительного обращения.

И магнолия запела. Серьезно. Глубоким таким басом, от которого у меня зачесались лопатки. Вибрация, магия и прочая пафосная дребедень. Потом с нее упал лепесток — как по заказу, прямо мне в ладонь, театральнее не придумать.

— Диана, — пропела магнолия тоном деревенского философа, — твоя мать в твоей крови, твоя бабка в твоих костях. А ты — весна. И вообще, не бойся чужого орешника. Бойся, если перестанешь нас слушать, потому что тогда нам

станет смертельно скучно.

Я прижала лепесток к губам. Пахло лимоном и чем-то, отдаленно напоминающим бабушкин комод.

— Обещаю не умирать от скуки, — сказала я и, разжав пальцы, позволила лепестку упасть обратно в траву. Пусть теперь трава разбирается.

Повернувшись к замку, я зашагала обратно по прогретой тропе. За спиной сад вздохнул, запели птицы (надо же им чем-то заниматься), застрекотали кузнечики. И мне послышалось — ну, наверное, послышалось, — как сирень у восточной стены тихо, виновато и совершенно не вовремя распускается, просто чтобы привлечь мое внимание.

Народ у меня в саду тот еще.

Я вошла в дом, с облегчением захлопнув за собой тяжелую дубовую дверь. Сад, конечно, прекрасен, но эти вечные разговоры с пионами и ландышами выматывают не хуже переговоров с советом директоров. Даже если совет директоров — это кучка снобов в камзолах, которые каждое твое слово принимают за пророчество.

Гостиная встретила меня тишиной. Камин, разумеется, не горел — на дворе весна, какой камин? Но местные, кажется, топят его круглый год просто из принципа. «А вдруг сквозняк, герцогиня!» Я закатила глаза, вспомнив напутствие экономки, и плюхнулась в кресло. Оно было массивным, обитым выцветшим бархатом, и оно знало о моей заднице больше, чем я сама. То есть, судя по продавленному сиденью, мои

предки тоже не были аскетами.

На столике уже дымился чай. Фарфоровая чашка — не из местной глины, заказанная отцом на Земле, с дурацкой надписью «Лучшая мама в мире» — стояла на блюде. Я усмехнулась, поднося ее к губам. Чай был мятный, с каким-то местным медом.

Я откинула голову на высокую спинку кресла и закрыла глаза. Глупая ситуация. Мне двадцать лет, я — попаданка по собственной воле, и в этом предложении три абсурдных факта. Потому что обычные попаданки, как учили меня земные книжки, проваливаются в канализации или под машины, а потом с криком «Где мой айфон?» пытаются изобрести порох. Я же прошла через портал чинно, с дорожной сумкой, в которой лежали три смены белья, зарядка (бесполезная) и пачка печенья «Юбилейное» на случай, если местная кухня окажется несъедобной.

Родители. Вечно они все усложняют. Мать — фея. Отец — маг. Живут на Земле, в нашем доме, где по утрам пахнет кофе и тостами, а по вечерам — магией, которую мать использует, чтобы волосы выглядели идеально даже в ливень. Отец же, герцог Ластерский по рождению, предпочел небесные сферы сферам бизнеса. И, надо признать, преуспел. Он говорил: «Диана, магия — это актив, как недвижимость. Ей нужно управлять, а не медитировать над ней сутками». Поэтому его стиль колдовства — практичный, жесткий, без этих ваших «единений с природой». Мать, напротив, люби-

ла эффектные жесты: вырастить за секунду розовый куст на глазах у гостей, завернуть снегопад в перламутровую дымку, чтобы дети во дворе визжали от восторга. Им хорошо на Земле. Им там весело. А я...

А я должна «узнать свои корни». Так сказала мать, когда они вручили мне ключи от этого замка и карманный телефон на случай, если станет совсем невмоготу. И отправили сюда, как студентку на практику. На полгода. Без интернета, без нормального кофе, но с титулом герцогини, который здесь, в этом мире, весит больше, чем я.

Я сделала еще глоток чая. За окнами гостиной, сквозь мутноватое стекло, виднелся сад — мой сад, между прочим. Все эти ландыши, пионы и магнолия, которые через день будут жаловаться мне на погоду и соседей. Боги, да они как члены садового товарищества, только с листьями.

Откуда-то сверху, из башни, донесся глухой стук. Это ворона, поселившаяся на чердаке, тренировалась открывать засов. Местная, магическая, конечно. Она считала, что ей по статусу положено будить меня на рассвете, потому что «так было заведено при старом герцоге». При старом герцоге, видите ли... Я тяжело вздохнула.

Шесть месяцев. Осталось четыре с половиной. Или, если пересчитать на встречи с магнолией, — бесконечность.

Я поставила чашку на стол, подтянула ноги в кресло и позволила себе маленькую слабость. Щелкнула пальцами — и в воздухе замерцал крошечный голографический экран. Отец

настоял: «Связь с Землей должна быть, но только аварийная, Диана». Аварийная, значит. Ну, а то, что я иногда смотрю на картинку нашего дома и тоскую по кофеварке — это не авария, это просто... ностальгия по розеткам.

Экран погас. Я закрыла глаза, чувствуя, как кресло медленно, по-стариковски, принимает мою форму. За окном защебетала птица — кто-то из моих подопечных решил, что я должна знать о перемещении гусеницы на три ветки влево.

— Да отстаньте вы, — пробормотала я в пустоту. — Герцогиня отдыхает.

Глава 2

В этом мире было много рас. Не все они ладили друг с другом. Например, те же гномы терпеть не могли эльфов, а оборотни часто ругались с орками. Но в том замке, куда меня отправили родители, все жили в мире и согласии. Оборотница-экономка отдавала приказы орку-садовнику, а гном-конюх в свободное время весело переговаривался с эльфом-дворецким. Меня такое положение дел вполне устраивало. Я терпеть не могла ругань и ссоры, особенно не по делу. Эта черта досталась мне от бабушки, тоже феи, маминой матери. Она сейчас отдыхала в одном из магических миров, где, по словам папы, скорее всего, «строила всех и вся, заставляя плясать под свою дудку».

Я как раз размышляла, не отправить ли ей письмо, пожаловаться, как скучно мне тут живется, когда в коридоре раздались шаги. Тяжелые, уверенные, с таким скрипом половиц, будто по замку прошелся небольшой танк. Или очень крупный оборотень, которому надоело быть милым.

В дверях возникла Марта.

Наша экономка была существом внушительным. Полтора метра в плечах, если мерить по старой гномьей системе, и метр семьдесят в длину, если считать вместе с хвостом, который она в рабочее время деликатно прятала под юбкой. Лицо у Марты было круглое, чуть хмурое, как у кота, кото-

рого разбудили на час раньше, чем он планировал. Волосы она стягивала в пучок такой тугой, что создавалось впечатление, будто кто-то пытался вытянуть из нее магию за волосы, но потерпел неудачу и оставил попытки.

Марта знала, кто я и откуда. Она знала, что я — попанка, пусть и по собственной воле, что полгода назад я понятия не имела, как правильно держать вилку в этом мире. Но она обращалась со мной так, словно я родилась здесь, в этой постели, под этим балдахинном, с фамильным серебряным свистком в зубах. За это я ее уважала.

— Ваше сиятельство, — церемонно произнесла Марта, и от ее голоса слегка задремала люстра. — К вам гости.

Я подняла брови, отставляя чашку с остывшим чаем. Гости в этом замке — явление редкое, как купающийся орк. То есть теоретически возможно, но на практике лучше не проверять.

— Ваш сосед, — продолжала Марта, и в ее голосе появилась та торжественность, с которой обычно объявляют о начале конца света или о прибытии налоговой инспекции. — Эрик горт Ношанский.

Она сделала эффектную, почти театральную паузу — эту паузу Марта, видимо, репетировала все утро, стоя перед зеркалом в коридоре для прислуги. Ее ноздри слегка раздулись.

— Дракон, — добавила она многозначительно и чуть тише, как будто само слово могло выжечь мне обои.

В комнате повисла тишина. Такая тишина, когда всем

присутствующим полагается ахнуть и схватиться за сердце. Присутствующим был я. Я не ахнула и за сердце не схватилась.

Ну дракон и дракон.

Честно говоря, я сдержала тяжелый вздох только чудом. В этом мире драконов обожествляли так, словно каждый из них лично спас вселенную как минимум дважды до завтрака. Шептались, замирали, кланялись, в обморок падали — и это я еще не видела, как они реагируют на реального дракона, а не на газетные заметки о нем. По мне, так обычные рептилии, только с претензией и огнеметом вместо рта.

Мой двоюродный брат по папиной линии, между прочим, тоже был драконом. Звали его Гордон. Он работал в Лондоне, в отделе по работе с недвижимостью, и единственное, что он сжигал, — это дедлайны по сдаче отчетности. А по выходным он развлекался тем, что в драконьей форме пугал соседских голубей, которые нагадили ему на машину. Вот вам и величественные создания.

Но здесь, в этом мире, драконы были... ну, драконами. С титулами, землями, амбициями и, судя по всему, именем, которое произносили с придыханием, как заклинание. «Эрик горт Ношанский». Звучало так, будто за этим именем скрывалась как минимум тысяча лет родословной, три проклятых клада и один бывший, с которым лучше не встречаться в темном переулке.

— Проси, Марта, — кивнула я, с достоинством поднима-

ясь из кресла. — Я приму его в малой гостиной.

— Сию минуту, ваше сиятельство, — Марта слегка склонила голову, и я заметила, как на секунду ее глаза блеснули желтым. Оборотническое. Иногда она так делала, когда была довольна, или когда ей очень хотелось кого-то укусить. Сейчас, кажется, и то и другое.

Она развернулась (пышно, с шелестом юбок, которые, казалось, жили своей отдельной жизнью) и вышла, оставив за собой легкий запах шерсти и пирогов. Марта всегда пахла пирогами. Даже когда приказывала орку-садовнику перекопать третью грядку, от нее пахло пирогами. Это было странно, но успокаивающе.

Я осталась одна и позволила себе вздохнуть — наконец-то полной грудью.

— Дракон, — повторила я вслух, проверяя слово на вкус. — Великий, ужасный, огнедышащий. А я — герцогиня, между прочим. И фея. И попаданка. И, если уж на то пошло, у меня дома есть пара вещей, которые даже дракона заставят уважительно кашлянуть. Например, папина кредитная карта.

Я вздохнула, одернула платье (обычное, земное, потому что в замке, несмотря на весну, было прохладно, а местные наряды походили на театральные костюмы с избытком кружев) и направилась в малую гостиную.

По пути я успела заметить, как в конце коридора гном-конюх с пышной бородой чем-то оживленно обсуждает с эль-

фом-дворецким. Гном хохотал, эльф снисходительно улыбался — идиллия, которой позавидовали бы все расы этого мира, вечно грызущиеся из-за территорий и обид. А у нас, в замке Ластеров, жили мирно. Потому что я так хотела. И потому что Марта сказала: «Будете ругаться — останетесь без обеда». И все заткнулись. Даже орки. Особенно орки.

Я вошла в малую гостиную и окинула ее быстрым взглядом. Комната была небольшой, уютной, с камином, в котором сейчас потрескивали дрова — Марта, видимо, расстаралась. На стенах висели портреты предков; все они смотрели на меня с выражением: «мы-знаем-что-ты-делала-в-этом-мире-можешь-не-отпираться». Диван, обитый зеленым бархатом, стоял напротив кресел. Журнальный столик был накрыт.

Я встала у камина, сложив руки на груди. Приняла вид максимально величественный: спина прямая, подбородок чуть вверх, взгляд — снисходительный, но не наглый. В идеале я хотела выглядеть так, будто драконы приходят ко мне на чай каждую среду, и я уже устала от их чешуйчатых морд.

Сердце, правда, стучало быстрее обычного. Но не от страха. От любопытства. Все-таки дракон — это не гоблин с соседней улицы. Это... дракон.

За дверью послышались шаги — на этот раз мягкие.

Дверь открылась.

— Его сиятельство, Эрик горт Ношанский, — объявила Марта и с легким поклоном отступила в сторону, пропуская

гостя.

И я...

Я поняла, что ненавижу родителей за то, что они не научили меня падать в обморок красиво. Потому что сейчас это умение очень бы пригодилось.

Глава 3

Впрочем, можно было обойтись и без обморока. В конце концов, я не какая-нибудь трепетная барышня из местных романов, которая падает в чувства при виде блестящей чешуи. Я — Диана, герцогиня Ластерская, фея, попаданка и, что самое главное, выпускница земной средней школы, где нас учили, что драконов не существует, а если существуют, то их место в налоговой декларации.

Поэтому я взяла себя в руки, расправила плечи и напомнила себе главное: этот ящер хвостатый, небось, привык, что все вокруг кланяются, пищат и предлагают ему первенцев в залог вечной дружбы. Так что я буду редким исключением. Я буду вежлива, приветлива и абсолютно пофигистична. Как будто драконы заходят ко мне на огонек каждую пятницу, и я уже устала протирать от их чешуи мои любимые кресла.

Дверь открылась полностью, и в малую гостиную шагнул... ну, в общем, шагнул красавчик.

Эрик горт Ношанский выглядел так, будто только что сошел со страниц английского светского журнала, который мама иногда тайком от папы листала в ванной. Этаким аристократ до кончиков ногтей — и до кончиков чешуи, которая, к счастью, пока была не видна.

Он был одет с той степенью небрежного совершенства, которая достигается только четырьмя часами у зеркала и про-

клятиями в адрес камердинера. Темно-синий сюртук сидел на нем как влитой — тонкое сукно, серебряные пуговицы с гербом (дракон, кусающий себя за хвост, ну очень оригинально), идеальные плечи, под которыми угадывалась вполне себе рельефная мускулатура. Под сюртуком — жилет цвета слоновой кости, мелкая вышивка, которую с трех шагов и не разглядишь, но она там есть, потому что Эрик, видимо, из тех, кто не выйдет из дома, если на подкладке хотя бы одна нитка торчит. Брюки — серые, в тонкую полоску, безупречно отутюженные, хотя он только что проехал верхом (или прилетел — как там драконы передвигаются на короткие дистанции?) неизвестно сколько. Сапоги из черной кожи блестели так, что в них можно было смотреться как в зеркало — и, подозреваю, сам Эрик иногда так и делал, проверяя, не сбилась ли прическа.

А прическа была отдельным произведением искусства. Каштановые волосы уложены в идеальную, чуть небрежную укладку — локон падает на лоб, волосок к волоску, но создается впечатление, что он просто провел рукой и вот так вышло. Я знала этот трюк. На создание такой "случайности" уходит полбанки лака и час душевных терзаний. В отличие от моей домашней прически — нечесаный хвост, выбившиеся пряди и легкий ореол: "Я только что встала, и вообще меня драконы не интересуют".

На тонких губах Эрика играла полуулыбка. Такая, знаете, джентльменская: "Я знаю, кто я, и вы знаете, кто я, и мы оба

знаем, что вы впечатлены, но я слишком воспитан, чтобы это подчеркивать". Глаза — серые, холодноватые, как северное море в ноябре — излучали радушие. Сфотографируй я его в этот момент, никто бы не сказал, что перед ними дракон. Скорее, преуспевающий банкир, который приехал в деревню проверять наследство и заодно терроризировать местных девушек своим обаянием.

Только ямочек на щеках не хватало для полного комплекта.

Я выдержала паузу — ровно настолько, чтобы он понял: я не собираюсь бросаться ему на шею с криками "О великий". Затем присела в заученном реверансе. Единственном, который я помнила из маминых еще земных уроков. Мама тогда сказала: "Диана, если ты когда-нибудь встретишь местную знать, просто согни колени и сделай лицо попроще. Они не разбираются". Надеюсь, она была права.

— Ваше сиятельство, — произнесла я голосом, в котором старательно смешала вежливость и легкое недоумение. — Неожиданная, но приятная встреча.

Я выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза. В моих собственных, надеюсь, читалось ровно то, что я хотела передать: "Как тебя, такого красивого, модного и явно страдающего нарциссизмом, занесло в нашу глушь? У нас тут орки грядки копают, гномы с эльфами сплетничают, а единственное развлечение — слушать, как ворона на чердаке осваивает засов. Ты тут явно лишний".

Эрик, кажется, уловил подтекст. Потому что его улыбка стала чуть шире — на долю миллиметра, но я заметила. Он склонил голову в легком поклоне, и при этом ни один волосок не дрогнул. Профессионал.

— Герцогиня, — его голос оказался именно таким, как я и ожидала: низким, чуть хрипловатым, с бархатными нотками, которые, вероятно, заставляли трепетать сердца всех благородных девиц в радиусе ста миль. Мое сердце, к счастью, было сделано из более прочного материала. Ну, почти. — Смею надеяться, что мой визит не слишком нарушил ваше уединение.

— О, что вы, — я махнула рукой в сторону кресел, приглашая садиться. Жест вышел чуть более размашистым, чем я планировала — земные привычки. — Уединение у нас, знаете ли, такое уединенное, что иногда хочется выть на луну. Но народ этого не одобряет, говорят, соседи жалуются.

Я улыбнулась своей самой обаятельной улыбкой — той, которой обычно убалтывала папу купить мне очередную дорожную безделушку. Эрик в ответ чуть приподнял бровь. Одну бровь. Драматично, черт возьми.

Он занял кресло напротив камина, и я заметила, как он это сделал — плавно, с достоинством, и при этом умудрился не помять сюртук. Я плюхнулась в свое кресло (вот тут помяла — и плевать) и потянулась к чайнику.

— Чай? — предложила я. — У нас тут, конечно, не лондонские чаепития, но заварка свежая. Марта следила.

Я осеклась на полуслове, когда до меня дошел смысл собственной фразы.

Лондонские. Я сказала «лондонские». Боже мой, Диана, ты в другом мире. Здесь нет никакого Лондона. Здесь есть Королевская Гавань, есть Столица, есть еще десяток городов с названиями, в которых по три согласных подряд и ни одной внятной гласной. Но Лондона здесь нет. И никогда не было.

Я внутренне застонала. Ну вот, проговорила. На второй минуте разговора. Мама будет в восторге, когда узнает. «Диана, ты хоть полгода можешь продержаться без упоминания земных реалий? Нет, ты обязательно должна ляпнуть про Лондон при первом же драконе, который заглянет на огонек!»

Эрик взял чашку — мою чашку, с дурацкой надписью, которую я по глупости не убрала со стола. Он держал ее так, будто это был тончайший фарфор из его родовой коллекции, а не сувенир из земного аэропорта за пять фунтов. И смотрел на меня. С легким, едва заметным прищуром.

— Лондонских? — переспросил он, и его голос звучал мягко, почти рассеянно, но я-то знала этот прием. Папа так же разговаривал с провинившимися менеджерами перед тем, как уволить их за некомпетентность. — Простите, герцогиня, я, кажется, не расслышал. Каких таких лондонских?

Черт. Черт, черт, черт.

Я поставила чайник на стол и замерла на секунду, перебирая в голове варианты. Сохранить лицо. Я должна сохранить

лицо. Я — герцогиня Ластерская, черт возьми. У меня есть титул, замок, куча ландышей-сплетников и дракон в гостиной. Я справлюсь.

— Оговорка, — я пожала плечами с максимально невинным видом, на который была способна. — Старая привычка. Мой отец... — я сделала паузу, подбирая слова, — ...он много путешествовал. И иногда пользовался... эм... местными названиями всуе. У нас в семье прижилось.

Эрик поднес чашку к губам, и я заметила, как его ноздри чуть дрогнули. Он что, нюхает чай? Или проверяет, вру ли я? Драконы, кажется, обладали нюхом поострее оборотней. Марта мне как-то говорила, что дракон может учуять ложь за три мили.

— Ваш отец, — повторил Эрик, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку. — Да, я слышал о нем. Герцог Ластерский старший. Тот самый, который предпочел здешней жизни... далекие края.

«Далекие края». Хорошее определение для Земли. Дипломатичное, без лишних подробностей. Значит, местные знают, что папа сбежал? Или не сбежал, а уехал по делам? Надо будет уточнить у Марты, что именно тут говорят о моей семье.

— Именно, — кивнула я, чувствуя, как земля под ногами перестает уходить в штопор. — Он очень любил... э... экзотику. И привозил оттуда всякие странные словечки. Вот я и подхватила. Знаете, как бывает: ребенок выпитывает роди-

тельские привычки, как губка.

— Как губка, — повторил дракон, и его тонкая бровь снова поползла вверх. Теперь он явно надо мной потешался. Но делал это так изящно, что придраться было невозможно. — Очаровательно. И много ли таких... словечек... вы впитали, герцогиня?

Я прикусила язык. Много. Очень много. Целый земной словарь, плюс интернет-сленг, плюс нецензурные выражения, которые папа использовал, когда машина не заводилась. Но говорить об этом дракону, который смотрит на меня так, будто я — особенно забавный экспонат в его коллекции странностей, не стоило.

— Достаточно, чтобы иногда попадать в неловкие ситуации, — я улыбнулась самой сладкой улыбкой и сделала глоток из своей чашки. — Например, однажды я назвала гнома «бро». Он обиделся. Пришлось объяснять, что это на языке далеких краев означает «уважаемый мастер подземных работ».

Эрик хмыкнул. Не засмеялся, нет — драконы, видимо, смеяться ниже их достоинства. Но в глазах промелькнуло что-то теплое, почти живое.

— Вы странная, герцогиня, — сказал он, ставя чашку на стол. — Не такая, как я ожидал.

— А вы ожидали кого-то, кто будет падать в обморок при виде вас? — я приподняла бровь в ответ. — Простите, но в нашей семье обмороки не в почете. Отец говорит, что это

непродуктивно и плохо для осанки.

И тут Эрик улыбнулся. Не полуулыбкой, не вежливым оскалом, а настоящей, искренней улыбкой. На секунду его лицо потеряло свою аристократичную холодность, и он стал похож на обычного парня — ну, обычного парня с идеальной челюстью, ослепительными зубами и глазами цвета осеннего неба.

— Нет, — сказал он. — Я ожидал кого-то скучного. Герцогиня в глуши, в старом замке — обычно это означает даму в возрасте с двумя десятками кошек и коллекцией сплетен о соседях. Вы... не в возрасте.

— И кошек у меня нет, — добавила я. — Только ворона-нахлебник на чердаке и сад, который разговаривает. Что, кстати, тоже иногда забавно. Особенно когда пион начинает сплетничать о магнолии.

Эрик моргнул. Похоже, я его окончательно сбила с толку. И это было прекрасно.

— Пион? — переспросил он.

— Пион, — подтвердила я. — Местный драматург. Уверен, вы бы с нимладили. Вы оба любите театральные паузы и эффектные появления.

Наступила тишина. Я смотрела на дракона. Дракон смотрел на меня. В камине треснуло полено, и ящер на гербе Эрика — вышитый на жилете — сверкнул серебряным глазом.

Мне показалось, или этот тип действительно пришел не просто так? Или это у меня паранойя после разговора с маг-

нолией?

— Знаете, герцогиня, — наконец произнес Эрик, и в его голосе появилась новая нотка. Та самая, которой он, вероятно, пользовался, когда хотел кого-то заинтриговать. — А я, кажется, начинаю понимать, почему ваш отец так настойчиво советовал мне заглянуть к вам.

Отец.

Настойчиво советовал.

Отец, который отправил меня сюда на полгода практики. Отец, который «случайно» забыл упомянуть, что ко мне могут заявиться драконы.

Папа, я тебя убью. Как только вернусь на Землю. Обязательно.

Но это позже. А сейчас я просто улыбнулась своему гостю самой лучезарной улыбкой и сказала:

— Что ж, тогда, может быть, вы расскажете, зачем именно он вас послал? Или мы так и будем пить чай и обсуждать мои странные словечки?

Эрик откинулся в кресле, и в его позе появилось что-то расслабленное. Почти домашнее. Он снова взял чашку, и теперь держал ее не как королевскую реликвию, а как обычный человек, который наслаждается хорошим напитком в хорошей компании.

— А вы нетерпеливы, герцогиня, — заметил он.

— Я практична, ваше сиятельство, — поправила я. — И еще я очень люблю, когда мне не врут. По крайней мере, в

первой половине дня.

Эрик рассмеялся. Тихо, с хрипотцой, но рассмеялся.

— Договорились. Тогда начнем сначала, без недомолвок, — он поставил чашку и посмотрел мне прямо в глаза. — Ваш отец сказал, что вы можете мне помочь. И что я могу помочь вам. Взаимовыгодное сотрудничество, как он выразился.

Я озадаченно моргнула.

— И в чем именно заключается это сотрудничество?

Эрик улыбнулся той самой полуулыбкой — но теперь в ней не было надменности. Только легкое, чуть настороженное любопытство.

— В том, герцогиня, что вам, вероятно, смертельно скучно в этом замке. А мне... мне нужен тот, кто не кланяется и не боится. Сможете угадать, зачем?

Я прищурилась.

— Понятия не имею. Но готова выслушать. Только, ради всех богов этого мира, не тяните с паузами. А то я могу передумать и уйти разговаривать с пионом. Он хоть и сплетник, но говорит по делу.

Эрик кивнул, и в его глазах заплясали золотистые искры — фамильное, драконье.

— Тогда слушайте, герцогиня. Дело серьезное. И, боюсь, пионам тут не помочь.

Глава 4

Я отставила чашку с чаем, потому что от такого заявления горячий напиток мог пойти не в то горло. А умирать от чаепития в компании дракона — это было бы слишком глупой смертью даже для меня.

— Волшебный цветок, — повторила я, внимательно глядя на Эрика. — Который цветет в заповедном лесу. И сорвать его может только та, в чьих жилах течет кровь феи. И вы, стало быть, хотите, чтобы эту роль исполнила я.

Дракон кивнул, и на его лице не дрогнул ни один мускул. Только глаза блеснули в свете камина — золотистым, хищным.

— В двух днях пути отсюда, — уточнил он. — Если, конечно, передвигаться нормальным способом. На лошадях или в экипаже. Если же использовать магию... — он сделал выразительную паузу, — ...то быстрее. Но с магией в том лесу сложно. Заповедный, сами понимаете.

Я поджала губы. С одной стороны, это было даже интересно. Полгода в замке, общение с пионами и ландышами, драматичные расследования по поводу чёрной сырости под корнями — всё это, честно говоря, начинало напоминать очень красивую, но очень скучную ссылку. А тут — приключение. Настоящее. С драконом, заповедным лесом и волшебным цветком.

С другой стороны, я не идиотка.

— И что это за цветок такой? — спросила я, нарочито небрежно поправляя выбившуюся прядь волос. — Небось, охраняется каким-нибудь столетним монстром с тремя головами и комплексом неполноценности? Или там вся поляна засахарилась и превращает неосторожных путников в леденцы на палочке?

Эрик усмехнулся, и в его усмешке промелькнуло что-то... человеческое, что ли. Не драконье.

— Монстр, как вы изволили выразиться, всего один, — сказал он. — И голов у него не три, а пять. Но он старый и спит большую часть времени. Главная проблема не в нем. Главная проблема в том, что цветок открывается только раз в семь лет, держит лепестки раскрытыми ровно три дня, а после осыпается. Если его не сорвать в этот момент, следующей попытке придется ждать снова семь лет.

Я присвистнула. Свист вышел не очень музыкальным, но дракон вежливо не подал вида.

— И когда же этот ваш цветочек соизволит распуститься? — поинтересовалась я самым невинным тоном.

— Через четыре дня, — ответил Эрик без всяких обиняков. — Поэтому я и пришел сегодня. Времени в обрез.

Ага. Значит, папа решил, что дочке надо развеяться. Или, что более вероятно, дракон предложил отцу что-то очень, очень выгодное в обмен на моё скромное участие в этой аванюре. Я мысленно пообещала себе при случае выяснить,

какую именно сделку заключили эти двое за моей спиной. И стоило ли мое участие в деле о срыве цветка того, чтобы папа наконец купил ту яхту, о которой мечтал прошлым летом.

— Допустим, я соглашусь, — сказала я, откидываясь в кресле и складывая руки на груди. — Что я получу с этого, кроме смертельной опасности, ночевки в лесу, компании хвостатого джентльмена и возможности обзавестись новыми комплексами?

Эрик выдержал паузу, но на этот раз не театральную, а оценивающую.

— Во-первых, мою личную благодарность, — начал он, и в его голосе проскользнула серьезность. — Во-вторых, любой предмет из моей сокровищницы на ваш выбор. У меня там, знаете ли, есть кое-какие забавные вещицы. В том числе артефакты, способные связать вас с вашим родным миром надежнее, чем любой карманный телепорт.

Я вскинула бровь. Это было уже интересно. Папа, конечно, обеспечил меня аварийной связью, но возможность иметь постоянный, бесперебойный канал между мирами... да это ж бесценно. Я бы могла смотреть земные сериалы, сидя в этом кресле! Или хотя бы переписываться с подружками, а не слушать сто двадцатое нытье магнолии о погоде.

— И в-третьих, — продолжал Эрик, видя, что я задумалась, — вы наконец выберетесь из этого замка на полгода раньше, чем планировали. Если, конечно, не передумаете возвращаться. Но это уже ваше дело.

— То есть вы предлагаете мне побег? — я прищурилась.

— Из собственного дома? Это как-то не по-герцогски, ваше сиятельство.

— Я предлагаю вам приключение, — поправил он мягко.

— А дом ваш, герцогиня, никуда не денется. Сад, пионы, ворона на чердаке — всё это подождет.

Я вздохнула. Пион, конечно, обидится, что его бросили. Ландыши начнут сплетничать, что молодая герцогиня сбегала с драконом в заповедный лес. Магнолия будет петь свои заунывные баллады о бренности бытия. Но, честно говоря...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.